

его къ ней? Не честь, потому что она порвала съ честью; не истинная любовь, потому что истинная любовь опирается на уваженіи, а она должна проститься съ уваженіемъ; отнынѣ она обречена на вѣчный стыдъ. Холодный потъ выступаетъ у ней на лбу. Ждетъ или нѣтъ насъ адъ въ будущей жизни, — а она уже въ здѣшней попала въ адъ.

Наконецъ наступаетъ послѣдній день: — послѣдній изъ тѣхъ, которые отдѣляютъ ее отъ утра, когда она встрѣтитъ его на Кесвикской станціи, отрекшись ради него и на вѣки отъ мужа, друзей и добраго имени.

Безсонныя, мучительныя ночи; дни, исполненные безысходной тоски, до того разстроили ея нервы, что она наканунѣ того, чтобы заболѣть нервной горячкой. При малѣйшемъ шумѣ, она готова кричать. Она по обыкновенію за работой въ комнатѣ мужа и сѣла такъ, чтобы не видѣть его лица, въ то время какъ пишетъ. Слишкомъ горькое чувство раскаянія внушаетъ ей видъ его сморщенного лица и сгорбленной фигуры. Бѣдный старикъ! чѣмъ онъ виноватъ передъ нею, что она собирается нанести ему смертельный ударъ, — смертельный, если не для его сердца, то для его чести. По какому праву она готовится сразить его изъ-за угла? Потому что онъ старъ, боленъ и раздражителенъ? Но развѣ онъ не былъ такимъ, когда она выходила за него замужъ? Какъ далека отъ мысли подозрѣвать ее? Онъ, можетъ быть, требователенъ и не ласковъ, но какъ сильно его довѣріе къ ней!

— У васъ какъ будто лихорадка! — говоритъ онъ.

Въ его голосѣ ей почудилась нѣкоторая доброта или участіе, и въ одну минуту она падаетъ на колѣни. Еще не поздно! Она все скажетъ ему.

— Чортъ бы васъ побралъ — сердито кричитъ онъ.

Какъ онъ ни раздражителенъ, а такое выраженіе и ему въ рѣдкость и доказываетъ, что мѣра терпѣнія его переполнилась.

— Вы закапали чернилами Григорія Назіанзина!

Съ минуту она стоитъ на колѣняхъ, оглушенная. Затѣмъ медленно приходя въ себя и вполне исцѣленная отъ желанія принести повинную, она лепечетъ:

— Извините, — я.. я уронила перо и хотѣла поискать его на полу.

Часы протекаютъ. Ей кажется, что они бѣгутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что время не двигается. Ни съ кѣмъ, кромѣ мужа, Велинда больше не разговариваетъ. Она сухо и холодно относится ко всякой попыткѣ заговорить съ нею добрыхъ людей, привлеченныхъ ея красотой и видимымъ одиночествомъ (профессоръ